

И. Д. Бекоева, В. П. Джиоева, Т. Ю. Тамерьян
Владикавказ, Россия

ДОМИНАНТНЫЕ ПОЛИТТЕХНОЛОГИИ ЮГООСЕТИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. Представлено исследование современной политической коммуникации в Южной Осетии, парламентского и президентского дискурсов. Югоосетинский политический дискурс — осуществляемый в условиях русско-осетинского двуязычия речевой акт политической коммуникации институционального типа, становление которой еще не завершено. Под политическим дискурсом понимается совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом. На примере выступлений югоосетинских ведущих политиков рассматриваются стратегии и тактики устного политического дискурса и соотношение их с языковыми средствами выражения. Основной целью исследования является раскрытие особенностей функционирования политической коммуникации в Республике Южная Осетия. Основным методом исследования является метод дискурсивно-когнитивного анализа, который предполагает выявление и описание специфики реализации речевого взаимодействия в опоре на контекстуальное окружение, влияющее на выбор лингвистических средств. Материалом для исследования послужили русскоязычные скрипты, репрезентирующие жанры пресс-конференций и интервью. Диалогическое общение в прямом эфире интересно тем, что оно, в отличие от официальной риторики, обнаруживает доминантные, системообразующие стратегии и тактики продуцентов политического дискурса. В качестве специфической черты политической коммуникации югоосетинских политических лидеров указывается реализация стратегии открытости и стратегии обратной связи. Рольвая самопрезентация представителей двух ветвей верховной власти выдержана в рамках осетинской культурной традиции, предполагающей отношения, основанные на общности и иерархии: президент объективирует высшую власть посредством индивидуального «я», а спикер, соблюдая коллегиальность, эксплицитно коллективное «мы».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; коммуникативные стратегии и тактики; стратегия открытости; стратегия обратной связи; общинные отношения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Бекоева Ирина Давидовна, аспирант, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова; адрес: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46; e-mail: irina.beckoeva@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Джиоева Варвильна Павловна, аспирант, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова; адрес: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина 44-46; e-mail: jio.varvilina@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета иностранных языков, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова — СОГУ; адрес: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина 44-46; e-mail: tamertu@mail.ru.

Возникновение на карте мира новых государств, только набирающих опыт политического диалога внутри страны и пытающихся интегрироваться в мировой контекст, обуславливает значимость изучения процесса становления политической коммуникации в рамках современной лингвистики.

Республика Южная Осетия — это молодое государство, образовавшееся после объявления независимости в 1990 г. Модель его политического устройства выработывалась в течение нескольких лет.

Сначала был сформирован однопалатный парламент (64 депутата) — в то время Верховный Совет Республики Южная Осетия — на основе всенародного голосования 9 декабря 1990 г. Его ядро составили активисты организации «Адæмон Ныхас» («Народное собрание»).

Институт президентства в Южной Осетии возник несколько позже в соответствии с глобальными законами политического развития. Однако его введению в конце прошлого столетия предшествовал внутривнутриполитический кризис, грозивший гражданской войной. Инаугурация первого президента РЮО Людвиг Алексеевич Чибирова состоялась только в конце 1996 г.

Становление новой политической системы, определение ее идеологии и тенденций развития, служащих факторами укоренения государственной идентичности, отражает появление политических лидеров, разрабатывающих этнообусловленные технологии речевого общения власти с народом.

Исследование югоосетинского президентского и парламентского дискурсов как новой языковой реальности, воплощаемой коммуникативными

личностями Л. Х. Тибилова и А. И. Бибилова, расширяет рамки изучения проблем институциональной коммуникации, от эффективности которой зависят результаты политического развития страны.

Югоосетинский политический дискурс представляет собой осуществляемый в условиях русско-осетинского двуязычия речевой акт политической коммуникации институционального типа, формирование норм которой еще не завершено.

Мы исходим из положения о том, что политический дискурс образует совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом [Баранов, Казакевич 1991: 6].

Современная антропоцентрическая научная парадигма, проявляющаяся в изучении воздействия языка на поведение и мышление человека, взаимоотношения языка и общества, характеризуется акцентированием человеческого фактора в языке (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. З. Демьянков, В. В. Колесов, Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелев).

Данное исследование осуществляется в рамках когнитивно-дискурсивного лингвистического подхода. Дискурсивный анализ предполагает выявление и описание специфики речевого взаимодействия в опоре на контекстуальное окружение, учет его влияния на выбор языковых средств.

Когнитивный подход позволяет выявить связи ментальной активности, речепорождения, когнитивной базы, коммуникативных интенций, прагматических целей, ценностных ориентиров с вербальной реализацией сообщения на фоне

языковой, этнокультурной и институциональной компетенций адресата. Более того, когнитивная лингвистика открывает перспективы построения когнитивных фреймов, схем, сценариев и моделей, структурирующих первоначальную коммуникацию лидеров страны как представителей политических институтов.

Исследование вопросов политического дискурса опирается на положения общей теории дискурса, разрабатываемые как зарубежными (Т. А. van Dijk, G. Brown, G. Yule, J. Baudrillard, P. Sériot, M. Stubbs), так и отечественными лингвистами (В. Н. Базылева, Э. В. Будаева, В. З. Демьянкова, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал).

Политическая коммуникация — это коммуникация, субъектами которой являются политики или политические журналисты, или же коммуникация, связанная с трактуемыми широко политическими проблемами и рассматриваемая с позиций политических субъектов, выступающих в качестве авторов политических текстов [Чудинов 2006; Будаев 2010 и др.].

Обращение к выступлениям президента РЮО Л. Х. Тибилова и спикера парламента А. И. Бибилова обусловлено возрастающей значимостью устного публичного общения лидеров двух ветвей государственной власти, чьи референтные языковые личности оказывают решающее влияние на становление югоосетинского политического дискурса.

Материалом для статьи послужили русскоязычные скрипты, репрезентирующие жанры пресс-конференций и интервью, — прямой эфир президента, передачи «Добрый вечер, Осетия» и «Парламентский вестник». Такой материал позволил проанализировать жанровое разнообразие коммуникации власти с населением, описать прагматические особенности выступлений югоосетинских политических лидеров и реализующий прагматические интенции языковой инвентарь.

Диалогическое общение в прямом эфире, в отличие от официальной риторики, обнаруживает доминантные, системообразующие стратегии и тактики продуцентов политического дискурса.

Описанию стратегий и тактик, рассматриваемых современной лингвистикой как инструменты коммуникации, посвящен ряд работ (М. В. Гаврилова, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, М. Э. Койт, А. В. Олянич, О. Н. Паршина, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.).

Исторически фундаментом общественной жизни осетин были общинные отношения. Осетинская община — это сложный социальный организм, основанный на территориальных связях, предполагающий устойчивость внутриобщественных связей и отношений на межличностном и межгрупповом уровнях, образующий статусную и социальную иерархические системы [Цаллагова, Чибиров 2012: 274].

Низшую ступень в многоуровневой системе общественного строя составляли семейные общины, формирующие, в свою очередь, более крупные родственные объединения фамилий [Газданова 2006].

Сельские общины — *цæддис* — складывались по принципу территориально-родственного объединения осетин на основе разных форм хозяй-

ственного объединения соседей и взаимопомощи в строительных и других хозяйственных работах — *зуу*, а также для проведения в складчину ежегодного общинного праздника, посвященного святому покровителю села, — *куырдæ* [Ванеев 1926, 1955; Магомедов 1963; Гаглойти 1974].

В результате российских реформ 60—70-х гг. XIX в. для удобства управления населением Осетии сельские общества превратились в государственные общины, ставшие низшими административными единицами. В новой общине все важные вопросы хозяйственной жизни и местного правопорядка решались также на сельском сходе [Газданова 2006].

Система самоорганизации осетин основывалась на двух универсальных принципах — *коллективности* и *старшинства*.

Принцип старшинства должен был строго соблюдаться на всех уровнях общественной системы. При этом почитание старших (по возрасту, статусу, экономическому положению) являлось краеугольным камнем самоорганизации осетин. Таким образом, авторитет (личностный, приписываемый традицией, позиционный) служил условием реализации властных полномочий [Цаллагова, Чибиров 2012: 288].

Югоосетинская политическая коммуникация, развиваясь по законам институционального дискурса, тяготеет к полуофициальным формам, предполагающим отказ от ритуализации, диалог власти и народа, персональное участие в жизни граждан.

Матрицу югоосетинского общества составляют особые этносоциокультурные коды, базовым элементом которых является общинность — «многочисленные родственные связи, длительные отношения внутри трудовых коллективов, участие в неформальных группах и т. д.; гармоничная связь поколений; особое положение личности в обществе, которая не нивелируется, а ставится в особое положение в соответствии с общинной иерархией» [Сергеев 2014].

Общинность современного югоосетинского общества проявляется в проведении *Ныхаса* («Общинного схода») — референдума, вовлекающего все слои общества в обсуждение политически значимых проблем.

Отвечая на вопрос о предстоящем референдуме по вопросу о вхождении Южной Осетии в состав Российской Федерации, Л. Х. Тибилев констатирует:

Этот вопрос волнует всех нас, всех жителей нашей республики. Эта идея появилась не сейчас, она логична, она существовала еще в советские годы. Тогда я слышал и от старших, и от младших, и от ровесников, что как бы ни складывалась ситуация, Южная Осетия в перспективе должна воссоединиться с Северной Осетией. Все-таки это один народ, он разделен.

Идея существует, мы ее получили от предков и будем передавать нашему младшему поколению [Леонид Тибилев: идея воссоединения осетин... 2015].

В приведенном фрагменте президент РЮО, репрезентируя себя как одного из представителей народа, подчеркивает приверженность этнической доминанте при реализации коммуникативной стратегии: *цепочка предки — старшие — ровесники —*

младшие отражает устойчивость в национальном сознании иерархической системы отношений.

Демонстрируя стратегию единения с народом, президент актуализирует представления о целостности югоосетинского сообщества, объединенного не только историческим прошлым, кровными узами, но и общенациональной идеей, воплощение которой растянулось уже на три десятилетия: *Что же касается реализации нашей общенациональной идеи по вхождению в состав России, то здесь можно сказать о том, что в Южной Осетии уже были проведены несколько референдумов по данному вопросу. <...> 19 января 1992 года <...> народ высказался за независимость и перспективу воссоединения. Еще было несколько референдумов, когда наш народ выражал свое отношение к вопросам вхождения* [там же].

Мониторинг ценностных ориентиров народа, проводимый президентом по принципу *Ныхаса*, подкрепляет убежденность Л. Х. Тибилова в правильности политической платформы руководства страны: *Я тщательно изучаю настроения нашего народа. Эта идея принадлежит каждому осетину; Мы ждем этого исторического момента, знаем настрой наших людей, народ скажет однозначно „да“* [там же].

Взаимодействие парламентского лидера А. И. Бибилова с гражданами страны основано на представлениях о равнозначности: *И народ тоже должен это понимать, потому что, как бы то ни было, те, кто у власти, они тоже вышли из народа. Тем более что в югоосетинском обществе нет таких политических элит, где власть передается только в рамках определенного круга лиц. Президент республики, Председатель парламента, большинство министров и депутатов — выходцы из рабочих семей и интеллигенции. У нас нет у власти детей олигархов, и олигархата как такового не существует. Поэтому власть в Южной Осетии гораздо ближе к народу, чем в той же Украине, и лучше знает чаяния народа, чем в той же Грузии* [Парламент Республики Южная Осетия].

Если президент выстраивает диалог с народом с позиции коммуникативного «я», объективирующего индивидуальное «я», то спикер предпочитает надличностное «мы»: *Официально заявляю — мы не отказываемся от своих целей и будем по-прежнему добиваться вхождения Южной Осетии в состав Российской Федерации, потому что мы убеждены в том, что для народа Южной Осетии это самый лучший выход* [там же].

В рамках социополитической коммуникации концептуализация единства власти и народа проецируется на всю политическую действительность:

(Президент): *<...> хочу отметить, что все <...> ветви власти республики сформированы, они работают, каждая из них несет ответственность за то доверие, которое оказано народом всем ветвям власти* [Леонид Тибиллов: идея воссоединения осетин... 2015].

В этом вопросе спикер парламента всецело поддерживает главу государства, демонстрируя приверженность консолидации ветвей государственной власти.

(Спикер): *Народ должен видеть, что и исполнительная, и законодательная, и судебная власть делают все возможное, чтобы гражданам Южной Осетии жилось комфортно на своей родной земле* [Парламент Республики Южная Осетия].

Единство политического курса президента РЮО Л. Х. Тибилова и спикера парламента А. И. Бибилова, их синхронное взаимодействие проявляются на основе стратегии *демонстрации единства глав* двух ветвей власти, что продиктовано необходимостью сохранения и укрепления нового государства. Когнитивная модель «президент + спикер = политико-управленческий блок» реализуется на основе коллективного «мы».

(Спикер): *Мы в любом случае будем работать над тем, чтобы налаживать контакты не только с Арменией, но и с другими республиками постсоветского пространства. <...> Мы не прячем, что хотим наладить дружеские отношения со всеми государствами, которые близки нам по духу, по идеологии. <...> мы этого не боимся, мы говорим о той правде, которая есть <...>* [Парламентский вестник. 15.05.2015].

В нижеприводимом примере президент Республики Южная Осетия Л. Х. Тибиллов, говоря о взаимоотношениях между главами ветвей власти — законодательной и исполнительной — акцентирует единство целей и сотрудничество, несмотря на наличие отдельных расхождений, опирается на коллективное «мы», что служит гарантией эффективного развития республики: *Сегодня парламента, и, в частности, Анатолий Бибилов понимает, что для реализации договора нужно будет провести соответствующую работу по внесению изменений в отдельные законы. Так что мы ищем пути, которые и всем народом должны восприниматься однозначно, пути, которые не будут нас разводить в стороны, а будут сближать наши позиции* [Леонид Тибиллов: идея воссоединения осетин... 2015].

Дистанцируясь от оппозитивности стилей руководства как малозначимого фактора, президент использует прием описания ситуации от третьего лица: *Хотел бы отметить, что какой-либо напряженности между президентом республики и председателем парламента Анатолием Бибиловым не было и нет. Конечно, он, являясь председателем парламента, проявляет свой стиль работы. У меня свой стиль. Они в некоторой степени отличаются. Но мы регулярно встречаемся и каждый раз отмечаем, что и президент, и председатель парламента должны способствовать тому, чтобы сохранить мир в республике, сохранить стабильность. Ведь в конце 2011 — начале 2012 года республика находилась на грани внутренней войны* [там же].

Если политический дискурс, вбирая в себя универсальные и национально-специфические культурные ценности и глубинные устремления народа, безусловно, является отражением общественно-политической жизни страны, то прагматические особенности языкового воплощения и обоснования стратегических и тактических ходов служат «переменными» параметрами коммуникации, свидетельствующими об индивидуальных предпочтениях языковой личности. Так, солидари-

зируясь с президентом, спикер, тем не менее, вносит тональность личностной оценки, характеризую внутриполитический климат в республике: *Мы с Президентом Республики смогли грамотно решить ситуацию, которая была еще месяц назад, сейчас этот градус напряженности сводится к личностным моментам, где одни пытаются ущипнуть других побольнее. Но, как вы сами понимаете, все это не серьезно и напоминает скорее игры в песочнице* [Nog Uasamonga].

Метафорический контекст **«межличностных отношений группы детского сада»** отрицает серьезность конфликта.

Национальной спецификой политтехнологий президента и спикера РЮО является применение наиболее эффективной в этнической среде жителей Закавказья близкогоконтактной социальной коммуникации, эксплицируемой посредством **стратегии открытости власти**.

Спикер парламента, устанавливая контакт с аудиторией, использует технологические приемы суггестии. Идея взаимодействия реализуется семантическими повторами **«выслушать, обсудить, прислушаться»**:

И тем не менее, осознавая все это, я не отвергаю даже их притязания. Еще раз подчеркиваю — мы готовы взаимодействовать даже с незарегистрированными организациями, даже с теми, кто изначально настроен на отрицание любого нашего действия. Ответственно заявляю, я готов выслушать, обсудить, прислушаться к любой критике [там же].

Встречаясь с народом, Л. Х. Тибиллов устанавливает формат и регистр общения, предполагающий предельную открытость, маркируя готовность к плодотворному сотрудничеству с населением республики. Смысловые повторы служат тактическим приемом, основанным на суггестии, употребляемым с целью имплицитного внушения адресату того, что главные принципы политической деятельности президента — открытость и честность: *Нам необходимо работать в открытом и прозрачном режиме с населением республики, чтобы не возникало вопросов к тому, что происходит в политической жизни нашего государства* [Президент Республики Южная Осетия... 2014].

Президент, общаясь с гражданами страны, реализует комплекс стратегий **«открытость — обратная связь»**. Высказывание президента подчеркивает недопустимость того, чтобы чаяния какого-либо жителя республики остались неуслышанными, поскольку президент держит под личным контролем не только государственные вопросы, но и бытовые нужды граждан:

<...> всем есть что сказать народу. Мы должны доходить до народа. Мы открыты для прессы, готовы вести диалог с населением, в том числе и посредством прямых эфиров, это важная разъяснительная работа.

Завершая прямой эфир с гражданами Республики Южная Осетия, Л. Х. Тибиллов подтверждает действенность своих коммуникативно-стратегических ориентиров в общении с народом: *Я получил такое удовлетворение от этой встречи, что мне захотелось еще больше сделать для них, активнее поработать во имя того, чтобы бу-*

дущее у Южной Осетии было прекрасным. И оно будет прекрасным <...> [там же].

В то же время спикер, манифестируя стратегию открытости, пока еще апробирует свой коммуникативно-стратегический «пакет», исходя из потенциальной модальности установления обратной связи: *И если кому-то не нравится, что для меня жизненным кредо, которое я взял с собой в политику, является искренность и прямолинейность, то, пожалуй, это их личные проблемы. И я очень ценю в людях, когда они могут также открыто выразить свою позицию, с такими людьми я всегда готов вести диалог, даже если мы на разных полюсах. Я всегда могу выслушать любого человека, я никогда не относился предвзято к той или иной личности* [Nog Uasamonga].

Коммуникативно-ролевой аспект персонального политического дискурса эксплицирует специфику самоидентификации его персонажей. Так, в терминологии А. П. Чудинова, «речевая маска» Л. Х. Тибилова, порожденная социально-коммуникативной ролью, репрезентирует президента как первое лицо страны, главу государства Республика Южная Осетия, его символ [Чудинов 2009: 127].

Я как Президент, выбранный народом, ответственен за это и буду делать все, от меня зависящее. Я работаю каждый день, без праздников и выходных, лишь бы получилось преворить в жизнь все, что задумано [Президент Республики Южная Осетия... 2014].

Коммуникативная стратегия самопрезентации спикера А. И. Бибилова направлена на создание образа политика, позиционирующего себя как представителя большинства в парламенте, руководящего деятельностью палаты, осуществляющего связи с государственными органами и общественными объединениями с позиции интересов партии, которую он возглавляет, поэтому «речевая маска» объективируется коллективным «мы»:

Да, вы верно отметили, и партия „Единая Осетия“ пока единственная политическая сила в Республике, которая использует механизм реальных проектов для решения социальных проблем, а не пустословие и красноречие. Мы создаем условия для занятий спортом и интеллектуальным развитием для детей и подростков, для развития новых форм творческой деятельности <...>. Мы оказываем материальную помощь социальным учреждениям — детским домам, интернату, дому престарелых. Мы также помогаем продвигать инициативы граждан, к нам поступило очень много предложений от наших избирателей, с которыми мы не перестаем поддерживать диалог. Мы не превозносимся над другими политическими партиями, мы ходим по земле и общаемся с нашими согражданами, и призываем своих коллег к этому же — к созидаанию и неустанному труду во имя интересов Отечества. Мы выпускаем газету, в которой публикуются самые актуальные комментарии и темы, стоящие в эпицентре общественного внимания [Nog Uasamonga].

Обобщим основные выводы проведенного исследования. Политическая лингвистика уделяет большое внимание языковому аспекту политической сферы как особой области человеческой

деятельности, оказывающей большое влияние не только на общество в целом, но и на отдельно взятую личность.

Этническое своеобразие зарождающейся югоосетинской политической коммуникации характеризуется недопустимостью манипулирования сознанием и волей адресата и выработкой механизмов диалогического взаимодействия на основе отказа от оппозитивности лидеров ветвей власти.

Особыми дискурсивными признаками являются построенные на этнических традициях общности и коллегиальности принципы открытости и обратной связи, показавшие наибольшую эффективность как доминантные стратегии.

Отсутствие дистанции между властью и народом обуславливает доверительную модальность и обеспечивает эффективность дискурса югоосетинских политиков — президента Л. Х. Тибилова и спикера парламента А. И. Бибилова.

Политическая деятельность опирается на традиции и формы национальной политической речи. Персональные «речевые маски» политических лидеров РЮО отражают принципы общности и социально-статусной иерархии: президент объективирует высшую власть посредством индивидуального «я», а спикер, соблюдая коллегиальность, эксплицирует коллективное «мы». Вместе с тем речевое поведение лидеров РЮО демонстрирует

совпадения со структурой российского политического дискурса, поскольку политический дискурс Южной Осетии развивается в соотношении с российским политическим дискурсом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М.: Знание, 1991. — 63 с.
2. Газданова В. С. Традиционная культура осетин. Общественные отношения. — Владикавказ: Сем, 2006. URL: <http://www.ossethnos.ru/user/Humarty/>.
3. Kavpolit. <http://kavpolit.com/articles/>.
4. Леонид Тиболов: идея воссоединения осетин в одном государстве принадлежит народу // ТАСС. 2015. 29 мая. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/2003104/>.
5. Парламент Республики Южная Осетия. URL: <http://www.parliamentroso.org/>.
6. Президент Республики Южная Осетия: прямой эфир на ГТРК «Ир». 2014. 11 нояб. URL: <http://presidentruo.org/?p=11320/>.
7. Сергеев А. Л. Современная Южная Осетия: уроки и вызовы. — М., 2014. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/>.
8. Чаллагова З. Б., Чибиров Л. А. Осетины / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Сев.-Осетин. ин-т гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства РСО-Алания. — М.: Наука, 2012. — 605 с.
9. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука. — 2006. — 248 с.
10. Nog Uasamonga. URL: <http://noguasamonga.ru/>.

I. D. Bekoeva, V. P. Dzhioeva, T. Y. Tameryan
Vladikavkaz, Russia

DOMINANT POLITICAL TECHNOLOGIES OF THE SOUTH OSSETIAN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article deals with the problems of the modern political communication in South Ossetia and its parliamentary and presidential discourses. The South Ossetian political discourse is treated as a speech act of developing political communication of an institutional type realized in the conditions of Russian-Ossetian bilingual community. Political discourse presupposes the sum total of all speech acts used in political discussions, and also rules of public politics governed by tradition and testified by experience. The strategies and tactics of oral political discourse and linguistic means of their expression are studied on the material of speeches of the leading South Ossetian politicians. The main purpose of the study is the analysis of the peculiarities of functioning of political communication in South Ossetia. The basic method of research is the method of cognitive-discursive analysis which involves definition and description of the specificity of realization of speech interaction with reference to the contextual environment that influences the choice of linguistic means of expression. The study is based on the material of Russian language scripts of the genres of press-conference and interview. Live dialogue is interesting due to the fact that in contrast to official rhetoric it demonstrates the dominant, system-forming strategies and tactics of political discourse producers. Realization of the strategies of openness and feedback is regarded to be the specific feature of the political communication of South Ossetian political leaders. Role self-presentation of the representatives of two branches of supreme power is effected in accordance with the South Ossetian cultural tradition, characterized by relations based on communal character and hierarchy: the president exercises supreme power through his individual "self", and the speaker, in line with the principle of plurality, relies on the collective "we".*

KEYWORDS: *political communication; communicative strategies and tactics; strategy of transparency/ openness; strategy of feedback; community relationships.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bekoeva Irina Davidovna, Post-graduate Student, North-Ossetia State University, Vladikavkaz, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dzhioeva Varvilina Pavlovna, Post-graduate Student, North-Ossetia State University, Vladikavkaz, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tameryan Tat'yana Yul'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages for Non-linguistic Specialties, Faculty of Foreign Languages, North-Ossetia State University, Vladikavkaz, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. N., Kazakevich E. G. Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii. — М.: Znanie, 1991.
2. Gazdanova V. S. Traditsionnaya kul'tura osetin. Obshchinye otnosheniya. — Vladikavkaz: Sem, 2006. URL: <http://www.ossethnos.ru/user/Humarty/>.
3. Kavpolit. <http://kavpolit.com/articles/>.
4. Leonid Tibilov: ideya vossoedineniya osetin v odnom gosudarstve prinadlezhit narodu // TASS. 2015. 29 maya. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/2003104/>.
5. Parlament Respubliki Yuzhnaya Osetiya. URL: <http://www.parliamentroso.org/>.
6. Prezident Respubliki Yuzhnaya Osetiya: pryamoy efir na GTRK «Ir». 2014. 11 noyab. URL: <http://presidentruo.org/?p=11320/>.
7. Sergeev A. L. Sovremennaya Yuzhnaya Osetiya: uroki i vyzovy. — М., 2014. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/>.
8. Tsallagova Z. B., Chibirov L. A. Osetiny / In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN; Sev.-Osetin. in-t gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy im. V. I. Abaeva Vladikavkazskogo NTs RAN i Pravitel'stva RSO-Alaniya. — М.: Nauka, 2012.
9. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — М.: Flinta: Nauka. — 2006.
10. Nog Uasamonga. URL: <http://noguasamonga.ru/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.